

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-1-40-22
EDN: VHDEVT

Религиозная основа протестных настроений в поэзии Н. А. Некрасова

Владимир Иванович Мельник

Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Московский государственный университет дизайна и технологий. 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Аннотация. Статья посвящена проблеме истоков некрасовских протестных настроений. До сих пор Некрасова безоговорочно зачисляют в число «революционных» поэтов. Исследователей мало смущает то, что в поэзии Некрасова нет прямых призывов к революции. Колоритное описание народной нищеты и несправедливости, жестокого угнетения народа со стороны помещиков – все это якобы свидетельствует о разжигании Некрасовым революционных настроений. Дружеские отношения с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым также считаются безусловным свидетельством революционности поэта. На самом деле в изучении вопроса десятилетиями допускались явные натяжки. Часто цитата из стихотворения Некрасова с описанием жестокой расправы помещика над крестьянином и т. п. оканчивалась однозначным выводом об очевидном призыве к революции. Отношения Некрасова с Чернышевским и Добролюбовым также нуждаются в более глубоком и объективном исследовании. Следует определиться с понятиями «революционности» и «протестности» Некрасова, глубже вникнуть в систему его миропонимания. К сожалению, более ста лет изучают лишь «половину» Некрасова, не принимая во внимание доминирующую сердцевину его мировоззрения – его религиозность. Именно поэтому изучение Некрасова в настоящий момент переживает кризисное состояние. В публикациях господствует мелкотемье и повторы уже известного. В настоящей статье ставится вопрос о том, мог ли Некрасов, будучи глубоко религиозной личностью, легко усваивать революционные уроки Чернышевского. Ни при каких условиях, при всей своей склонности к протестным настроениям, Некрасов не мог проигнорировать евангельский и церковный призывы к смирению и терпению как основы спасения души. В статье показано, как Некрасов, изображая различные виды протеста, пытается приблизить евангельские установки к реалиям крепостнической России XIX в., как он, защищая интересы народа, опирается на различные евангельские заповеди, которые – в их соотнесенности – призывают действовать, сообразуясь с обстоятельствами, а не с раз и навсегда утвержденной единой нормой. Собственно, церковь так и действует, призывая убивать врагов на войне. Некрасов имел мужество выразить свое понимание в одном из важнейших вопросов: возможен ли ответ на социальное насилие – и на какое. В статье подробно рассмотрена система «художественных аргументов» Некрасова.

Ключевые слова: Некрасов; Чернышевский; долготерпение народа; утрата Божьего образа; протест; революция; Божий Суд; Евангелие

Для цитирования: Мельник В. И. Религиозная основа протестных настроений в поэзии Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 1 (40). С. 22–30. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-22>. <https://elibrary.ru/VHDEVT>

Original article

Religious bases for protest attitudes in N. A. Nekrasov's poetry

Vladimir I. Melnik

Doctor of of philological sciences, professor at the department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya str. 33, bld. 1
melnikvi1985@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Abstract. The article focuses on the origins of Nekrasov's protest attitudes. Until now, Nekrasov has been unconditionally named among the «revolutionary» poets. Researchers are little concerned about the fact that Nekrasov's poetry does not contain direct appeals to revolution. His vivid description of the people's poverty and lack of rights, cruel oppression of the people by the landlords – all this allegedly testifies to Nekrasov's stirring up revolutionary

moods. Friendly relations with N. G. Chernyshevsky and N. A. Dobrolyubov are also considered to be a definite evidence of the poet's revolutionary nature. In fact, in studying the issue, there have obviously been decades of unjustified assumptions. A quote from Nekrasov's poem describing violent punishment of a peasant by the landlord, and other such cases, often led to an unequivocal conclusion about the obvious call for revolution. Nekrasov's relations with Chernyshevsky and Dobrolyubov also need deeper and more objective studying. It is necessary to clarify the concepts of Nekrasov's «revolutionary spirit» and «protest attitude», and to deeper understand his worldview. Unfortunately, for more than a hundred years only «half» of Nekrasov has been studied ignoring the dominant core of his worldview – his religiosity. That is why the study of Nekrasov is currently in crisis. The publications are dominated by shallowness and repetition of what is already known. This article raises the question of whether Nekrasov, being a deeply religious person, could easily adopt Chernyshevsky's revolutionary lessons. Under no circumstances could Nekrasov, for all his propensity to protest moods, ignore the evangelical and ecclesiastical call to humility and patience as the basis for the salvation of the soul. The article shows how Nekrasov, depicting various types of protest, tries to bring the Gospel attitudes closer to the serfdom realities of the 19th century Russia; how he defends the people's interests by relying on various Gospel precepts, which – in their correlation – call to act in accordance with the circumstances, not with the approved common norm. Actually, the church acts in this way, calling for killing enemies in war. Nekrasov had the courage to express his understanding of one of the most important questions: whether a response is possible to social violence – and to what kind. This article examines Nekrasov's system of «artistic arguments» in detail.

Key words: Nekrasov; Chernyshevsky; the long-suffering of the people; the loss of God's image; protest; revolution; God's Judgment; the gospel

For citation: Melnik V. I. Religious bases for protest attitudes in N. A. Nekrasov's poetry. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(1):22–30. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-1-40-22>. <https://elibrary.ru/VHDEVT>

Вводная часть

В советский период Н. А. Некрасова представляли как поэта, воспевающего революционный бунт, предтечу революции [Елагин, 1949; Козьмин, 1949 и др.]. В самом деле, на его стихах воспитывались поколения революционеров. Однако парадокс состоит в том, что в поэзии Некрасова мы не найдем ни одной строчки прямых призывов к революции. Объясняется это прежде всего тем, что он по цензурным условиям не мог позволить себе рассуждать о необходимости революционных преобразований [Евгеньев-Максимов, 1939]. Характерно признание А. Еголина: «Революционная лирика Михайлова и Добролюбова нередко звучала выразительно и энергично, и все же некрасовские „Размышления у парадного подъезда” имели в революционных кругах, даже и позднейших лет, еще больший отклик, хотя и не заключали в себе непосредственно революционной темы» [Еголин, 1949, с. XII]. Еще важнее другое, о чем мало пишут: его поэзия воспитывала не только революционеров, она была любима всеми сословиями русского общества, всеми здоровыми силами его. В своей речи на похоронах Некрасова профессор Петербургского университета священник М. И. Горчаков сказал: «В песнях покойного изливались страдальческие думы и чувства не одного какого-нибудь человека, не одного какого-нибудь класса народа, состояния или общества, а страдание и горе всего нашего общества, думы и

чувства всех и каждого из нас, беду и горе испытанных» [Горчаков, 1878, с. 144–145].

Некрасовская поэзия воздействовала на умы и сердца особо острым изображением страданий народа и искренней любовью к нему. Он был поэтом страдания и сострадания.

Истоки сострадания: детство

Истоки упомянутой восприимчивости Некрасова кроются, прежде всего, в детстве поэта, в тех картинах «дантовского ада», которые поразили его воображение и оставили незаживающую рану в его душе. Из стихотворения «На Волге» мы узнаем, что мальчик ужаснулся, глядя на бурлаков, тянущих лямку. Он пишет:

И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик –
И сердце дрогнуло во мне.
.....
Я был испуган, оглушен.
.....
Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был –
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 89–91].

Маленький Некрасов дает себе клятву борьбы с несправедливостью, строит недетские замыслы:

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей – детей,
Какие клятвы я давал –
Пусть умрет в душе моей [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 91].

Но, может быть, еще тяжелее воспринимал Некрасов увиденное в собственном доме. В поэме «Несчастные» он вспоминает шумную атмосферу «содома, тревоги и трепета»:

Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
«Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленным волчонком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит – и ни шагу.
«Упрямство надо наказать –
Поди сюда!» – Волчонок тягу...
Ату его!»
Тяжелый сон!..
Нет, мой восход не лучезарен –
Ничем я в детстве не пленен
И никому не благодарен [Некрасов, 1981–2000, т. 4, с. 30].

Мать, Елена Андреевна, воспитывала в нем именно восприимчивое сердце, она, судя по некрасовским стихам, пыталась привнести евангелие в обыденную жизнь, подавала пример жертвенности, гуманности. Ф. М. Достоевский вспоминал рассказ Некрасова о родном доме: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери... одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 111–112].

В доме отца он впервые увидел и осмыслил ужас «человековладения». Жестокое обращение отца с крепостными, его безнравственное поведение глубоко поразили будущего поэта. Г. В. Красильников пишет об отце поэта, Алексее Сергеевиче: уголовные дела Ярославского Гос-

архива подтверждают «его вспыльчивый характер, склонность к физическим расправам по отношению к своим крепостным крестьянам. Некоторых из них он пытался сдать в качестве наказания в рекруты. Все это приводило их к попыткам суицида и членовредительства» [Красильников, 2024, с. 85]. Поражают, как и в стихах Некрасова, подробности проявляемой жестокости. Отец поэта расправился с больной женщиной, не сумевшей выйти на работу, тем, что «начал бить по голове и, сбив с ног, топтать ногами», после чего она потеряла сознание [Красильников, 2024, с. 86]. После избияния привязанного крестьянина, Алексей Сергеевич «бил его рукою по лицу и сшибши с ног ударил каблуком бывшего на нем сапога». К утру крестьянин перерезал себе горло. Следует предположить, что материалы уголовного дела, составляемые в суде, по понятным причинам не вполне передают накал жестокости и подробности расправы. Зато это сделал Некрасов в своих стихах, где он постоянно возвращается к описанию чрезмерной жестокости, с одной стороны, и едва переносимых страданий – с другой. Ф. М. Достоевский справедливо сказал, что у Некрасова «было раненое сердце, раз на всю жизнь, и незаживавшая рана эта и была источником всей его поэзии, всей страстной до мучения любви этого человека ко всему, что страдает от насилия, от жестокости необузданной воли...» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 112].

О терпении народа

М. М. Дунаев пишет: «Некрасов воспринимал терпение как помеху народному счастью» [Дунаев, 1997, с. 174]. В самом деле, у Некрасова время от времени вырывается вздох о невероятном терпении русского народа. В стихотворении «Размышления у парадного подъезда» звучат слова, которые могут быть истолкованы как недовольство долготерпением народа:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, –
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил? [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 49].

О долготерпении он говорит и в стихотворении «Умру я скоро...»:

Я призван был воспеть твои страдания,
Терпеньем изумляющий народ!

И бросить хоть единый луч сознания

На путь, которым Бог тебя ведет [Некрасов, 1981–2000, т. 3, с. 41].

Правда, в обоих случаях нет ни слова о революции. Автор скорее говорит о пробуждении народа, причем духовном. Разумеется, Бог ведет народ не к революции, а к духовному пробуждению, и поэт готов способствовать этому, «бросить хоть единый луч сознания», имея в виду прежде всего просвещение народа. В стихотворении «Сеятелям» он пишет:

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное

Русский народ... [Некрасов, 1981–2000, т. 3, с. 180].

О просвещении сказано и в поэме «Кому на Руси жить хорошо?»: «Эх! эх! Придет ли времечко... Когда мужик не Блюхера И не милорда глупого – Белинского и Гоголя С базара понесет?».

Некрасов акцентирует вопрос о духовном пробуждении народа и далеко не всегда трактует народное терпение как отрицательное качество, ибо терпение – одна из главных христианских добродетелей. Тем не менее, он часто упрекает народ за долготерпение, считая его оборотной стороной греха помещиков – жестокости. И жестокость помещиков, и безгласное терпение крестьян приводят к тому, что оба утрачивают человеческий облик и перестают различать добро и зло. В уже упоминавшемся стихотворении «На Волге» поэт пишет о «покорности без конца», покорности, переходящей из поколения в поколение бурлаков:

Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертью не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, – не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,

Когда б ты менее терпел? [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 92].

Можно привести и массу других примеров, где Некрасов высказывает упрек «безгласности» и бесконечному терпению русского человека.

Чернышевский

Не находя прямых призывов к революции в стихах Некрасова, исследователи, объявлявшие о

революционности Некрасова, искали косвенных подтверждений революционной позиции поэта – прежде всего в близости Некрасова и Н. Г. Чернышевского. Одним из первых, кто начал искать серьезную аргументацию в пользу революционности Некрасова, был В. Евгеньев-Максимов. В своей работе «Н. А. Некрасов и его современники» он пытался обнаружить следы влияния революционной идеологии Н. Г. Чернышевского на Некрасова [Евгеньев-Максимов, 1930]. Еще Ф. М. Достоевский, хотя и не приводил твердых доказательств, считал, что Чернышевский все-таки влиял на Некрасова, хотя и не всецело: «Из известных влияний он не выходил во всю жизнь, да и не имел сил выйти. Но у него была своя, своеобразная сила в душе, не оставлявшая его никогда, – это истинная, страстная, а главное, непосредственная любовь к народу» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 118].

Стихотворение «Поэт и гражданин» отражает реальную атмосферу разговоров, происходящих между редактором «Современника» и его талантливый молодым сотрудником. Чернышевский пытался говорить Некрасову о политике, но тот оставался прежде всего поэтом и не испытывал особого интереса к революционной идеологии, о чем сам Чернышевский вспоминал уже после кончины Некрасова: «Те сведения, которые мог бы получать от меня Некрасов, были непригодны для поэзии. А он был поэт, и мила ему была только поэтическая часть его литературной деятельности. То, что нужно было знать ему, как поэту, он знал до знакомства со мною, отчасти не хуже, отчасти лучше меня. Ни мои статьи, ни мои разговоры не только не имели влияния на его мнение о ходе крестьянского дела, но и не помнились ему... Я не имел ровно никакого влияния на его образ мыслей» [Чернышевский, 1939–1953, т. 1, с. 746]. Некрасов был человеком конкретного дела, – и в тот момент, когда Чернышевский размышлял о коренных, революционных изменениях в обществе, Некрасов создавал у себя на родине приходское училище для крестьянских детей [Летопись, 2007, т. 2, с. 242], делал выступления в пользу бедных студентов [Летопись, 2007, т. 2, с. 252] и пр. Современные исследователи склонны к более объективной оценке «влияния» Чернышевского на Некрасова. В свое время и Н. Н. Скатов сказал, что «Ленин... явно приписал Некрасову» полную симпатию Чернышевскому [Скатов, 2004, с. 226]. Ему вторит М. С. Макеев: «... считать, что у Некрасова с его сотрудниками было полное сов-

падение взглядов, не приходится» [Макеев, 2017, с. 283]. Более того, М. С. Макеев отмечает: «... он не разделял уверенности Чернышевского и Добролюбова в том, что революция или восстание являются единственно возможным способом преобразования России...» [Макеев, 2017, с. 285]. Восприятие крестьянской реформы 1861 г. у Некрасова тоже было иным, чем у Чернышевского, ибо он, по выражению Ю. В. Лебедева, даже «питал монархические иллюзии» [Лебедев, 2020, с. 20].

Некрасов мыслил иначе, чем Чернышевский, гораздо шире представлял себе проблемы народа. Прекрасно понимал, что революция не решает всех проблем народа, а может быть, и усугубляет их, не изменяя самого человека и сложившихся традиций. Поэтому он скорее говорил о «безгласности» («На Волге»), чем о бездействии, и постоянно напоминал сильным мира сего о Христе.

В рассуждениях о протестных настроениях Некрасова совершенно не учитывается важнейший фактор, влиявший на него: его глубокая, еще в «Мечтах и звуках» выразившаяся религиозность [Мельник, 2001; Мельник, 2007 и др.]. Он попросту не мог так же, как атеист Чернышевский, подходить к вопросу о революции, насилии, бунте. Не мог просто перешагнуть через евангелие и проповедь смирения. Можно сказать, что он находился между революционными призывами Чернышевского и евангелием. Поэтому вопрос о протесте решался для него в мучительном поиске, а ответ, в любом случае, не должен был противоречить евангельскому учению Христа. Вся поэзия Некрасова иллюстрирует, как непросто проходил он «между сциллой и харибдой».

Евангельские истоки протеста

Некрасов, конечно, помнил заповеди смирения: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду...» (Мф. 5: 38–40). Означает ли эта заповедь Христа полную и безоговорочную покорность тем, кто, как пан Глуховский, признается: «Мучу, пытаю и вешаю, А поглядел бы, как сплю!». Для Некрасова это был большой и мучительный вопрос, так как Церковь однозначно призывала к смирению и терпению. Однако в самом евангелии поэт не мог не видеть, что этой

однозначности нет. Призывая подставить другую щеку, Христос имеет в виду не безусловную покорность, а, напротив, духовную победу над обидчиком путем смирения, победу «божеского» над «человеческим» (Мк. 8:33), восстановление утраченного образа Божьего в обоих: в обидчике и обидимом. Подставляя вторую щеку, человек не принимает отношений мира сего («око за око»), а предлагает другие, братские (во Христе) отношения.

Во всех притчах Христа в центре стоит напоминание о небесных законах жизни, гораздо более важных, чем законы земные. И эти небесные законы не всегда требуют покорности: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34). Некрасов, конечно, помнил, что Христос показал ревность о Боге тем, что, войдя в храм, перевернул столы торговцев и изгнал их бичом из храма, то есть применил силу: «И, сделав бич из верёвок, выгнал из храма всех, также и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул» (Ин. 2:15). «И говорил им: написано, – дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21:13).

Некрасов считал, что Русь должна быть «храмом» («домом молитвы»), где господствуют отношения братства. И питал ненависть к тем, кто делает этот «храм» «вертепом разбойников». Ситуация духовного соблазнения слабых («малых сих») также прописана в евангелии, причем Христос говорит о жестокой расправе, а не о покорности обидчикам-соблазнителям: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф. 18:6).

Утрата образа Божьего в палаче и жертве: общий грех

Во всех перечисленных притчах (и других) Христос действует во имя Царствия Небесного, во имя духовного закона, но никак не вопросов богатства, бедности, социальной вражды. В одном месте на просьбу справедливо разделить наследство братьев он говорит: «... разве Я поставлен у вас судить и делить между вами ваше добро?» (Лк. 12:14). Даже насилие Христос употребляет, ревнуя о Царствии Небесном, о духовном состоянии людей. «Меч», который Он принес на землю, он готов употребить для духовной брани: «Я пришел разделить человека с

отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее» (Мф. 10:35). Некрасов так же, изображая чрезмерную жестокость, с одной стороны, и отупляющую полную покорность – с другой, показывает, как центральный момент, не социальную вражду, а нарушение духовного закона, утрату Божьего образа в человеке и тем самым утрату смысла жизни – как в палаче, так и в обидимом, который веками «безгласен» и не может заступиться за Божье начало в себе, ведя полуживотное существование. Эта проблематика была очень близка Достоевскому, который после смерти поэта написал: «... в эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Некрасов, и буквально в первый раз дал себе отчет: как много Некрасов, как поэт, во все эти тридцать лет, занимал места в моей жизни!» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 111]. В первой публикации стихотворения «На Волге» Некрасов писал именно о вытеснении Божьего начала и приобретенной привычке быть полужверем:

Где поколения людей
Живут бессмысленней зверей... [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 368].

Все творчество Некрасова изображает чрезмерность жестокости и страдания, оно показывает, что в России евангельский закон не просто подменен земным, но – до утраты человеческого образа как в «человековладельцах», так и в их «собственности».

Таким образом, Некрасов во главу угла ставит душу человека, а не одно лишь его земное благополучие. Духовной гибелью жертвы становятся как попытки сопротивляться злу, «бунтовать», так и полная «безгласность», привычка к тому «скотскому состоянию», которую навязывают жертве сильные мира сего. В этой безвыходной парадигме и бьется мысль Некрасова, проверяющего себя евангелием. В этой же парадигме существуют и его герои.

В стихотворении «Размышления у парадного подъезда» вельможа не принял крестьян, они взывают лишь к Божьему Суду. Оканчивается это пьянством в кабаке:

Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой... [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 49].

Но самый большой грех здесь – утрата веры в справедливость на земле, уныние и отчаяние, в которое впадают ходоки (а за ними и те, кто их послал с просьбой о справедливости). О грехе уныния, отчаяния преп. Серафим Саровский говорил: «Нет хуже греха... и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния!» [Чичагов, 1903, ч. 1, с. 212]. Еще больший грех лежит на вельможе. Те, кого поэт называл «палачами-помещиками», были для него нарушителями евангельского закона, «соблазнительями», о которых говорит свт. Василий Великий: «Соблазняет, кто преступает закон словом или делом и другого вводит в беззаконие...» [Василий Великий, 2008–2009, т. 2, с. 223].

В «Размышлениях у парадного подъезда» поэт показывает, что «князья мира сего» утратили христианскую совесть, не боятся Бога:

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках... [Некрасов, 1981–2000, т. 2, с. 48].

Однако «громы небесные» неизбежны, даже если они не страшат спящую совесть. И «громы» – это не революция, а Страшный Суд.

У Некрасова и палач, и жертва оказываются повязанными грехом. Отсутствие возмущения не спасает от греха, поскольку безгласность крестьян питает необузданность поведения вельможи.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо?» показан уродливый протест «примерного холопа» Якова, который все-таки не совсем безгласен. Этот по-своему богобоязненный человек боится выйти за рамки евангельских заповедей и без разума, абсолютно буквально выполняет слова Христа: «... не противься злему». После кровной обиды, нанесенной барином, холоп решается на ненасильственный протест:

Выслушал Яков посулы – и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!».
Яков на сосну высокую прынул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю – и ноги спустил! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 198].

Грех барина, выславшего в рекруты племянника Якова только потому, что ему понравилась невеста молодого человека, потянул за собою еще более ужасный грех духовного саморазрушения – самоубийства. Виновны оба: один в сластолюбии, жестокости и несправедливости, другой – в «холопстве». Хотя самоубийство Якова было и уродливым преодолением безгласности, тем не менее возымело воздействие: ему удалось пробудить совесть и страх Божий в барине:

Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до Судного дня! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 199].

В «Отрывках из путевых записок графа Гаранского» описывается нередкий случай пользования негласным «правом первой ночи»: «... как женится мужик, Веди к нему жену; проспит с ней перву ночку...» [Некрасов, 1981–2000, т. 1, с. 125]. И снова – вопиющий грех помещика приводит к не менее тяжкому греху: один из крестьян возмущается и убивает барина. Как сдержат гнев и протест в подобной ситуации? Не превосходит ли ситуация меру терпения, указанную в евангелии как идеал христианского поведения? Достоевский, который долгое время критиковал Некрасова за его протестные настроения, в своем последнем романе «Братья Карамазовы» также был вынужден считаться с понятием зла, превышающего меру человеческого сердца. Инок Алеша Карамазов на вопрос Ивана, расстрелять ли генерала, затравившего псами пятилетнего мальчика на глазах матери, отвечает: «расстрелять» [Достоевский, 1972–1988, т. 14, с. 221].

Показывая различные варианты протеста, Некрасов обращается и к фольклору, к известной легенде о разбойнике Кудеяре в поэме «Кому на Руси жить хорошо?». Описывая столкновение инока Питирима с паном Глуховским, Некрасов так значимо прописывает все детали, что становится понятно, что он как христианин мучительно решал для себя вопрос: как согласовать между собой два евангельских посыла – с одной стороны, «подставь и другую щеку», а с другой – «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин.

15:13). Можно сказать, что в этом сюжете он разрабатывает свое «богословие протеста», снова опираясь на понятие чрезмерности, то есть нарушения «евангельской меры» человеческого ожесточения.

Разбойник Кудеяр, став иноком Питиримом, получил откровение: для прощения он должен срезать тем же ножом, которым убивал, вековой дуб. Питирим принимается за работу, которой не видно конца. В это время мимо проезжает пан Глуховский, который цинично смеется над ним:

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 209].

Дальше происходит невероятное: инок, понимая, что цепь жестоких расправ продолжится и в будущем, убивает злодея. Некрасов выстраивает логический парадокс: убийство страшного грешника освободило бывшего разбойника, уже принесшего покаяние и ставшего иноком, от греха убийства многих неповинных жертв. В свое время М. М. Дунаев сделал интересное предположение: инок убивает злодея, точно зная, что губит свою душу в вечности, то есть он готов отдать даже не жизнь, а свое вечное спасение – за других. Это высшая жертва за «други своя», поэтому Господь прощает Питирима.

Следует обратить внимание, что Некрасов подчеркивает чудесный и промыслительный характер происходящего. Не сам Питирим убивает пана Глуховского. По Некрасову, он лишь орудие в руках Божиих, ибо речь идет о чуде:

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил! [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 209].

Обратим внимание на глаголы. Сначала Питирим – пассивная фигура, объект приложения сил: не он сотворил чудо, а ним оно «сталося», то есть сделалось; не он вызвал в себе гнев, но «ощутил» его. И лишь после этого чуда вселения в него некоего духа он становится субъектом, а не объектом действия: «бросился»,

«вонзил». Падение дуба, предсказанное ему в откровении, было благословлено Богом:

Сжалился Бог и к спасению

Схимнику путь указал:

.....

«...Будет работа великая,

Будет награда за труд;

Только что рухнется дерево –

Цепи греха упадут». [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 208].

Итак, все случилось «не без Божьего Промысла» [Некрасов, 1981–2000, т. 5, с. 208]. Поэт признает нравственную законность противления как заступничеству за слабых, как самопожертвование. Причем в таком заступничестве у Некрасова всегда присутствует признак святости. Не случайно он делает убийцей пана Глуховского инока, да еще получившего откровение свыше. Даже не примыкая к революционным идеям Чернышевского и Добролюбова, Некрасов пишет о них как о святых, ибо они руководствуются желанием заступления за народ, готовы пожертвовать свою жизнь «за други своя». Некрасов ценил их не за призыв к революции, а за то, что они смелее других говорили в пользу народа, проявляя личное мужество, готовность пострадать. Их подвигу, как известно, он посвятил стихи: «Памяти Добролюбова» и «Пророк». К обоим стихотворениям, написанным по житийным канонам, можно было бы поставить в качестве эпитафии слова из евангелия: «Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13).

Заключение

Таким образом, многие произведения Некрасова показывают, что вопрос о противлении злу поэт осмысливал с разных сторон, но прежде всего – с точки зрения евангельских заповедей, которые он боялся нарушить превратным толкованием. Главная из них, которую Некрасов для себя выделил и на которую опирался при изображении своих героев, – это заповедь заступничества «за малых сих», а также заповедь, прославляющая тех, кто готов положить душу свою за своих ближних.

Думается, что сверяться с евангельскими заветами, изображая драматизм социальных противоречий, было непросто. Официальная Церковь не пыталась соотносить евангельские запо-

веди друг с другом, выдвигая на первый план лишь одну заповедь о терпении, хотя и благословляла убийство на войне врагов родины. Вероятно, поэт испытывал большой душевный дискомфорт, решаясь на нарушение официальной позиции Церкви. Но им руководила горячая любовь к «малым сим», сочувствие к их страданиям, – и в этом он находил внутреннее оправдание. К нему вполне применимы заключительные слова книги философа В. Ильина о сопротивлении злу: «... не страшна смерть тому, кто идет на нее из любви к Божьему делу, и не страшно временное отступление от праведности тому, кто не выходит из любви к Богу, и не страшен суд слепых и холодных тому, кто сам судит себя лучом Божиим и сам первый знает, где он отступил от «гуманности» из любви к божественному. Не человеку судить человека за такую любовь и за такое служение, не человеку, а Богу. А перед Ним – верный носитель меча предстанет «в день суда» с тем «дерзновением» (1 Иоанна IV. 17), которое дается истинною любовью» [Ильин, 1993–1999, т. 5, с. 220]. Это же всегда чувствовал Достоевский, который сказал: «... любовью к народу и страданием по нем он оправдал себя сам и многое искупил, если и действительно было, что искупить...» [Достоевский, 1972–1988, т. 26, с. 126].

Библиографический список

1. Свт. Василий Великий. Творения. В 2 т. Москва : Сибирская благовонница, 2008–2009.
2. [Горчаков М. И.] Один из бывших на похоронах. Письмо к издателю (Речь о Горчакова) // На память о Николае Алексеевиче Некрасове. Санкт-Петербург : В тип. Ф. С. Сушинского, 1878. С. 143–147.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : В 30 т. Ленинград : Наука, 1972–1988.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 5 ч. Ч. III. Москва : Христианская литература, 1997. 576 с.
5. Евгеньев–Максимов В. Е. Некрасов и его современники. Москва : Федерация, 1930. 336 с.
6. Евгеньев–Максимов В. Е. Н. А. Некрасов в борьбе с цензурой // Творчество Некрасова. Труды Московского института истории, философии и литературы. Москва, 1939. Т. III. С. 35–57.
7. Еголин А. Идеалы Некрасова // Лит. наследство. Т. 49–50. Москва : АН СССР, 1949. С. XIII–XXX.
8. Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Москва : Русская книга, 1993–1999.
9. Козьмин Б. Великий поэт революции // Лит. наследство. Т. 49–50. Москва : АН СССР, 1949. С. XXXI–LXIV.
10. Красильников Г. В. «И только он один, кто всех собой давил...»: А. С. Некрасов, отец поэта, в материалах уголовных дел Государственного архива Яро-

славской области // Карабахские научные чтения: материалы научно-практической конференции (Ярославль–Карабиха, 4–5 июля 2024 г.). Ярославль : ООО «Академия 76», 2024. С. 85–90.

11. Лебедев Ю. В. Идеал народной монархии в русской литературе XIX – начала XX вв. // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 8–27.

12. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. В 3 т. Санкт-Петербург : Наука, 2006–2 009.

13. Макеев Михаил. Николай Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 2017. 464 с.

14. Мельник В. И. Поэзия Н. А. Некрасова в свете христианского идеала. Москва : Изд-во «Даръ». 2007. 112 с.

15. Мельник В. И. Типология житийных сюжетов у Н. А. Некрасова (к постановке вопроса) // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 59–65.

16. [Миллер О.] Публичные лекции Ореста Миллера. Санкт-Петербург, 1874. 192 с.

17. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Ленинград : Наука, 1981–2000.

18. Скатов Николай. Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 2004. 428 с.

19. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Москва : Гослитиздат, 1939–1953.

20. Чичагов Л. М. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Ч. 1–2. Изд. 2-е. Санкт-Петербург, 1903.

Reference list

1. Svt. Vasilij Velikij. Tvorenija = Creative works. V 2 t. Moskva : Sibirskaja blagozvonnica, 2008–2009.

2. [Gorchakov M. I.] Odin iz byvshih na pohoronah. Pis'mo k izdatelju (Rech' o. Gorchakova) = One of those who were at the funeral. Letter to the publisher (Speech by Fr. Gorchakov) // Na pamjat' o Nikolae Alekseeviche Nekrasove. Sankt-Peterburg : V tip. F. S. Sushhinskogo, 1878. S. 143–147.

3. Dostoevskij F. M. Sbranie sochinenij : V 30 t. = Collected works: in 30 volumes. Leningrad : Nauka, 1972–1988.

4. Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaja literatura = Orthodoxy and Russian literature. V 5 ch. Ch. III. Moskva : Hristianskaja literatura, 1997. 576 s.

5. Evgen'ev–Maksimov V. E. Nekrasov i ego sovremenniki = Nekrasov and his contemporaries. Moskva : Federacija, 1930. 336 s.

6. Evgen'ev–Maksimov V. E. H. A. Nekrasov v bor'be s cenzuroj = H. A. Nekrasov fighting censorship // Tvorchestvo Nekrasova. Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. Moskva, 1939. T. III. S. 35–57.

7. Egolin A. Idealy Nekrasova = Nekrasov's ideals // Lit. nasledstvo. T. 49–50. Moskva : AN SSSR, 1949. S. XIII–XXX.

8. Il'in I. A. Sobr. soch. V 10 t. = Collected works: in 10 vols. Moskva : Russkaja kniga, 1993–1999.

9. Koz'min B. Velikij pojet revoljucii = The great poet of the revolution // Lit. nasledstvo. T. 49–50. Moskva : AN SSSR, 1949. S. XXXI–LXIV.

10. Krasil'nikov G. V. «I tol'ko on odin, kto vseh soboj daval...»: A. S. Nekrasov, otec pojeta, v materialah ugovnyh del Gosudarstvennogo arhiva Jaroslavskoj oblasti = «And only he alone, who suppressed everyone himself...»: A. S. Nekrasov, the poet's father, in the criminal cases files from the State Archive of the Yaroslavl region // Karabihskie nauchnye chtenija: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii (Jaroslavl'–Karabiha, 4–5 ijulja 2024 g.). Jaroslavl' : ООО «Akademija 76», 2024. S. 85–90.

11. Lebedev Ju. V. Ideal narodnoj monarhii v russkoj literature XIX – nachala XX vv. = The ideal of people's monarchy in Russian literature of the XIX – early XX centuries // Dva veka russkoj klassiki. 2020. T. 2. № 2. S. 8–27.

12. Letopis' zhizni i tvorcestva N. A. Nekrasova = Chronicle of N. A. Nekrasov's life and work. V 3 t. Sankt-Peterburg : Nauka, 2006–2 009.

13. Makeev Mihail. Nikolaj Nekrasov = Nikolai Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 464 s.

14. Mel'nik V. I. Pojezija N. A. Nekrasova v svete hristianskogo ideala = N. A. Nekrasov's poetry in the light of the Christian ideal. Moskva : Izd-vo «Dar#». 2007. 112 s.

15. Mel'nik V. I. Tipologija zhitijnyh sjuzhetov u N. A. Nekrasova (k postanovke voprosa) = Typology of hagiographic plots in N. A. Nekrasov (towards raising the question) // Nekrasovskij sbornik. T. VIII. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. S. 59–65.

16. [Miller O.] Publichnye lekcii Oreستا Millera = Or-est Miller's public lectures. Sankt-Peterburg, 1874. 192 s.

17. Nekrasov N. A. Polnoe sbranie sochinenij i pisem = Complete collection of works and letters. V 15 t. Leningrad : Nauka, 1981–2000.

18. Skatov Nikolaj. Nekrasov = Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 2004. 428 s.

19. Chernyshevskij N. G. Poln. sobr. soch. V 15 t. = Complete collection of works in 15 vols. Moskva : Goslitizdat, 1939–1953.

20. Chichagov L. M. Letopis' Serafimo-Diveevskogo monastyrja = Chronicle of the Seraphim-Diveyev Monastery. Ch. 1–2. Izd. 2–e. Sankt-Peterburg, 1903.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 12.01.2025; принята к публикации 06.02.2025.

The article was submitted on 23.12.2024; approved after reviewing 12.01.2025; accepted for publication on 06.02.2025